

Лу Цзин шел позади Юнь-гэра, с улыбкой слушая его разговор с Нань Ци. Он заметил, что Юнь-гэр внезапно остановился, и уже хотел спросить, что случилось, как вдруг услышал громкий голос.

Он поднял голову и увидел сваху Чжао, которая шла к нему с радостным выражением лица. Улыбка на его лице исчезла. Он шагнул вперед, взял Юнь-гэра за руку и передал коробку с едой Нань Ци, который выглядел растерянным. Лу Цзин велел ему не обращать внимания на происходящее и сначала накрыть на стол.

Нань Ци взял коробку, беспокойно взглянул на Юнь-гэра и пошел на кухню.

Юнь-гэр выглядел спокойным, и было непонятно, о чем он думал. Лу Цзин хотел наклониться и поговорить с ним, но сваха Чжао уже подошла.

«Господин Лу, я пришла, чтобы предложить сватовство от имени сына управляющего Чжана из "Ваньнин"».

Она начала с представления статуса семьи, а затем вздохнула: «Шуэр — человек глубоких чувств. Он влюблен в вас, господин Лу, и не хочет жениться ни на ком другом. Управляющий Чжан и его жена изначально были против, ведь их сын должен быть «главной женой». Но Шуэр настолько предан, что они, в конце концов, сжалились над ним и попросили меня прийти с предложением».

Она закончила и остановилась, чтобы посмотреть на реакцию Лу Цзина. По ее опыту, большинство мужчин, услышав, что такая красавица хочет выйти за них замуж, проявляли жалость и гордость.

Но, внимательно посмотрев, она поняла, что Лу Цзин остался равнодушным. Ее сердце вдруг заколотилось. То, что казалось гарантированным, теперь стало неопределенным. Она не стала тянуть и сразу раскрыла свои карты.

«Госпожа Ли сказала, что подготовит для Шуэра приданое в сто таэлей, включая ткани, одежду, украшения и мебель. Господин Лу, это настоящее счастье! Сколько людей будут вам завидовать!»

Ее слова должны были показать богатство приданого и подстегнуть тщеславие Лу Цзина. Мужчины любят престиж, и за годы своей работы она редко видела, чтобы мужчины отказывались от такого предложения, особенно когда «невеста» так предана.

По ее мнению, даже дурак знал бы, как поступить.

Надо сказать, что сваха Чжао, с ее многолетним опытом, хорошо понимала психологию мужчин. Если бы на месте Лу Цзина был кто-то другой, он, вероятно, уже радостно принял бы

это предложение. Но, к сожалению, она столкнулась с Лу Цзином.

Лу Цзин с усмешкой сказал: «Сын управляющего Чжана хочет стать моей наложницей?»

Юнь-гэр не мог больше слушать и хотел уйти, но Лу Цзин крепко держал его за руку.

Сваха Чжао поспешно поправила: «Не наложницей, а «второй женой»».

Она посмотрела на Юнь-гэра и намекнула: «Шуэр из такой хорошей семьи, с таким богатым приданым. Быть «второй женой» — это уже унижение для него».

По ее мнению, этот деревенский парень просто не знал правил. Главная жена должна помогать мужу брать наложниц и расширять семью. Если кто-то предлагает сватовство, она не должна хмуриться. Быть такой ревливой — это уже повод для развода. Если бы он был умным, он бы сам предложил стать наложницей.

Сваха Чжао думала, что если бы ей удалось сделать Шуэра главной женой, вознаграждение от семьи Чжан удвоилось бы. Она все больше возбудалась, и ее взгляд на Юнь-гэра становился все более недоброжелательным.

Она притворилась заботливой: «Господин Лу, такой талантливый молодой человек, как вы, должен быть с таким человеком, как Шуэр. Хотя вы вышли замуж раньше и заняли место «главной жены», но нужно знать свое место».

Она разошлась еще больше: «Если бы я была на вашем месте, я бы сама предложила стать наложницей. Такой человек, как Шуэр, должен быть главной женой, чтобы помогать бизнесу господина Лу. Мы, жены и мужья, должны думать о своих супругах, а не только о себе».

Нань Ци накрывал на стол во дворе. Он изначально беспокоился, что Юнь-гэр расстроится, если Лу Цзин примет предложение. Но для мужчин иметь несколько жен — это обычное дело, и он не мог вмешиваться в личную жизнь своего хозяина.

Услышав, как сваха бессовестно уговаривает Юнь-гэра стать наложницей, он не смог сдержаться. Он повернул голову и сердито сказал: «Ах ты, сваха! Ты советуешь главной жене стать наложницей? У тебя совсем совести нет?»

Он закончил ругать сваху и быстро повернулся к Юнь-гэру: «Юнь-гэр, не слушай ее! Она несет чушь!»

Он боялся, что Юнь-гэр действительно послушает сваху и сделает глупость. Разница между женой и наложницей — это как небо и земля. Наложница — это, по сути, слуга, а жена — настоящая хозяйка.

Юнь-гэр еще не успел ничего сказать, как Лу Цзин холодно произнес: «Ни второй жены, ни наложницы мне не нужно».

Сваха Чжао была шокирована и хотела уговорить его, но Лу Цзин усмехнулся и продолжил: «Такую бессовестную сваху, как ты, "Юньхуачжай" больше не будет принимать. Убирайся».

Нань Ци, который давно невзлюбил эту сваху, поспешил открыть ворота, огляделся и схватил метлу у стены.

Сваха Чжао не ожидала такого исхода. Она смотрела на Лу Цзина с шоком и недоумением, все еще пытаясь уговорить его, но Нань Ци выгнал ее за дверь с метлой в руках.

Нань Ци с грохотом закрыл дверь, наконец почувствовав облегчение. Он стоял у двери, держа метлу, с сияющим лицом.

Он боялся, что Юнь-гэр расстроится, и хотел утешить его, но увидел, как Лу Цзин ведет его в дом. Нань Ци остановился. Хотя он был неопытен в любви, он понимал, что сейчас нельзя мешать.

Юнь-гэр послушно последовал за Лу Цзином в дом. На кровати уже были постелены одеяла. Лу Цзин усадил его на кровать, присел перед ним, взял его руки и поднял голову, чтобы посмотреть на него.

Его руки были холодными, а руки Лу Цзина — теплыми. Лу Цзин согрел его руки и мягко сказал: «Юнь-гэр, ты расстроен? Если ты расстроен, ударь меня. Это я виноват, что ты расстроился».

Он взял руку Юнь-гэра и сделал вид, что хочет ударить себя по лицу. Юнь-гэр поспешно остановил его, опустив глаза: «Как это может быть твоей виной? Ты такой хороший, конечно, многие тебя любят».

Лу Цзин продолжил: «Ты ревнуешь?»

Юнь-гэр опустил глаза и промолчал.

Конечно, он ревновал. Увидев сваху, он сразу захотел выгнать ее и не позволить ей говорить с Лу Цзином.

Этикет этого мир учит женщин и гэров быть великодушными, улыбаться и принимать наложниц, чтобы расширить семью. Но он не мог этого сделать. Он хотел, чтобы Лу Цзин принадлежал только ему.

Лу Цзин, видя, как Юнь-гэр опустил глаза и выглядел печальным, не стал его больше мучить.

Юнь-гэр был слишком послушным. Только когда его слишком сильно дразнили, он иногда проявлял характер. Но человек — это не кусок теста. У всех есть свои эмоции.

Этот мир учит гэров быть послушными и покорными, но Лу Цзин хотел равного партнера, а не идеального мужа, который всегда ставит его на первое место.

Лу Цзин выглядел сильным и мягким, но он никогда не знал любви. Он тоже мог чувствовать себя неуверенно, испытывать недостаток безопасности. Абсолютное подчинение — это не любовь. В любви есть ревность. Если Юнь-гэр все терпит, как Лу Цзин может быть уверен, что он его любит?

Лу Цзин мягко пообещал: «В этой жизни у меня будет только Юнь-гэр. Разве ты не думаешь так же?»

Юнь-гэр с удивлением поднял глаза. Что он только что услышал? Лу Цзин больше не был деревенским парнем. Он умел зарабатывать деньги и был таким красивым. Иногда Юнь-гэр думал, не возьмет ли Лу Цзин наложницу в будущем, но даже мысль об этом вызывала у него боль. Он мог только утешать себя, наслаждаясь их текущей жизнью, а будущее пусть само о себе позаботится.

Но он не ожидал, что Лу Цзин вдруг даст ему такое обещание. Хотя он всегда чувствовал, что Лу Цзин отличается от других, и иногда мечтал о их совместной старости, его прошлый опыт не позволял ему поверить в это.

Сколько мужчин в мире, кроме тех, кто не может себе позволить, остаются верными одной женщине?

Юнь-гэр мгновенно покраснел и заплакал: «Я тоже хочу, чтобы мы были только вдвоем, без других».

Ревность была одной из причин для развода, но он больше не боялся говорить об этом. Он знал, что Лу Цзин хочет дать ему уверенность.

Лу Цзин встал и обнял его, мягко утешая: «Не плачь. Если они снова осмелятся прийти к тебе, ты можешь их ругать и выгонять. Если не сможешь, позови меня, понял? Ты должен верить, что я всегда буду на твоей стороне».

Юнь-гэр чувствовал себя так, будто парил в облаках, окруженный любовью Лу Цзина. Он наклонился и мягко поцеловал кадык Лу Цзина, как будто выражая свою переполняющую любовь.

Лу Цзин тяжело вздохнул и в следующее мгновение прижал его к постели, целуя его глубоко и страстно. Юнь-гэр впервые отбросил свою скромность и неловко ответил на поцелуй. Лу Цзин, чувствуя его ответ, поцеловал его еще сильнее, и вскоре его дыхание стало сбивчивым.

Лу Цзин отпустил его и начал мягко целовать его лицо, давая ему отдышаться. Когда дыхание Юнь-гэра выровнялось, он поднял голову и посмотрел на него. В их глазах отражалась любовь друг к другу.

Юнь-гэр толкнул Лу Цзина: «Если мы не пойдём есть, Нань Ци и остальные умрут с голоду. Пойдем».

Лу Цзин встал и помог ему подняться. Они обменялись улыбками и, держась за руки, вышли.

Нань Ци сидел за столом, скучая и беспокоясь. Увидев, как они вышли, держась за руки и выглядя счастливыми, он обрадовался. Он встал и улыбнулся: «Я разогрею еду, вы садитесь».

Юнь-гэр сказал: «Я помогу тебе». Он хотел вырвать руку, но Лу Цзин не отпускал. Он с недоумением обернулся.

Лу Цзин улыбнулся ему и только тогда отпустил. Он не хотел мешать двум муженькам, поэтому решил проверить счета в магазине.

Юнь-гэр чувствовал себя счастливым, и на его лице была улыбка. Нань Ци почувствовал, что атмосфера между ними изменилась, но не мог понять, как именно. Увидев, что Лу Цзин ушел, он с беспокойством спросил Юнь-гэра: «Юнь-гэр, господин Лу не возьмет наложницу, правда? Он так хорошо к тебе относится, как мой отец к моей матери».

Юнь-гэр улыбнулся: «Он не будет».

Он впервые услышал, как Нань Ци упомянул своих родителей, и спросил: «У твоих родителей хорошие отношения?»

Нань Ци кивнул: «Они были самой любящей парой, которую я когда-либо видел. Мой отец женился только на моей матери. Когда мама родила меня, она повредила тело и больше не могла иметь детей, но отец не взял наложницу, чтобы продолжить род. Они были вместе много лет, и их любовь всегда была сильной».

Юнь-гэр понял, откуда у Нань Ци такая добрая натура. Он вырос, окруженный любовью родителей, и поэтому был полон доброты к миру.

Но теперь Нань Ци оказался в чужом месте, и, вероятно, в его семье произошли большие перемены... Он хотел спросить, но боялся задеть его больное место.

Нань Ци, видя его колебания, продолжил: «Они всегда были добрыми и щедрыми. Несколько лет назад соседний регион пострадал от бедствия, и многие беженцы пришли к нам. Они раздавали еду за городом полмесяца, спасая множество жизней. Но добрые люди не получают награды...»

Нань Ци уже не мог говорить из-за слез. Он вспоминал своих добрых родителей, которые теперь погибли, а он даже не смог сохранить их наследие. Он чувствовал себя бесполезным.

Юнь-гэр положил овощи и обнял Нань Ци за плечи, хотел утешить его, но боялся сказать что-то не то, не зная всей истории.

Чжоу Янь, который слышал их разговор из комнаты, вышел, опираясь на костыли. Услышав, как Нань Ци плачет, он почувствовал, как его сердце разрывается. Он подошел к Нань Ци и хотел поклониться, чтобы утешить его, но Нань Ци бросился к нему в объятия.

Чжоу Янь замер. Он чувствовал, как Нань Ци дрожал от плача, и, после некоторого колебания, обнял его.

Юнь-гэр, видя это, больше не мешал. Он быстро разогрел еду, и, когда все блюда были на столе, Нань Ци наконец успокоился.

Его глаза и нос были красными, и он смущенно извинился перед Юнь-гэром: «Я не смог сдержаться, и тебе пришлось все делать одному».

Юнь-гэр улыбнулся: «Это пустяки. Просто разогреть несколько блюд».

Лу Цзин тоже вернулся после проверки счетов. Они сели, и Лу Цзин поднял бокал: «За успешное открытие и процветающий бизнес!»

Они подняли бокалы, и Чжоу Янь, чья нога еще не зажила, получил чай вместо вина. Нань Ци же пил вино.

Раньше он редко пил вино, и после одного бокала его лицо покраснело. Чжоу Янь поспешно налил ему чаю, и он выпил его залпом, чтобы почувствовать себя лучше. Подняв голову, он увидел, что Юнь-гэр тоже пьет чай.

Лу Цзин погладил спину Юнь-гэра и с усмешкой сказал: «Это просто ритуал. Можно было просто пригубить. Зачем вы выпили все? Ладно, в следующий раз не будем покупать вино, будем пить чай».

Нань Ци и Юнь-гэр посмотрели друг на друга и засмеялись.

На середине ужина Нань Ци сам рассказал Лу Цзину и Юнь-гэру свою историю. Он достаточно доверял им, чтобы не бояться, что они его предадут.

«...Вот так мы с Чжоу Янем оказались в Чжэси».

Лу Цзин и Юнь-гэр, услышав это, обменялись взглядами. Они не ожидали, что Нань Ци пережил такое.

Лу Цзин задумчиво сказал: «Судя по твоим словам, смерть твоих родителей кажется подозрительной. Возможно, это дело рук твоего дяди...»

Он боялся, что Нань Ци обидится, и не стал говорить прямо. Но Нань Ци кивнул: «Мы с Чжоу Янем тоже подозреваем это. Но тогда мы сами едва выжили и не могли искать доказательства».

Юнь-гэр сказал: «Вы поступили правильно. Главное — сохранить себя, чтобы потом найти возможность их наказать».

Нань Ци теперь успокоился и больше не считал себя бесполезным. Но его настроение все еще было мрачным. Он не знал, сколько времени потребует, чтобы отомстить за родителей, и даже не был уверен, сможет ли он сделать это в этой жизни.

Они раскрыли свои истории, и Чжоу Янь больше не притворялся. Он утешил Нань Ци: «Молодой господин, мы обязательно отомстим за господина и госпожу. Не грусти».

Он был некрасноречив и не мог сказать ничего утешительного, но Нань Ци серьезно кивнул: «Мы сделаем это».

Лу Цзин сказал: «Не отчаивайся. Если появится возможность, мы обязательно поможем».

Юнь-гэр добавил: «Возможность обязательно появится. Твои родители любили тебя больше всего, поэтому ты должен беречь себя».

Нань Ци, с глазами, полными слез, кивнул: «Я понимаю. Спасибо, господин Лу, спасибо, Юнь-гэр».

Лу Цзин улыбнулся: «Мы считаем вас друзьями. Наедине не нужно называть меня господином». Юнь-гэр и Нань Ци хорошо ладили, и он искренне считал их друзьями.

Нань Ци кивнул: «Понял, брат Лу».

У них царил гармония, а в доме Чжанов был полный хаос.

Сваху Чжао выгнали метлой, ее волосы растрепались, а на одежде были кусочки травы. Прохожие в переулке держались от нее подальше и указывали на нее пальцами.

Она была в ярости. За годы своей работы она никогда не сталкивалась с таким унижением. Она хотела кричать, но боялась раскрыть что потерпела неудачу в сватовстве. В конце концов, она сдержала гнев и пошла прямо в дом Чжанов.

Семья Чжанов после ужина пила чай. Ли Ши знала, что сваха Чжао придет с ответом, поэтому отправила наложниц и их детей под разными предложениями. В главном зале остались только члены основной семьи.

Ли Ши, услышав, что сваха Чжао пришла, поспешно велела слугам впустить ее. Она думала, что сваха работает быстро, и они смогут сегодня же назначить дату свадьбы.

Чжан Линшу, услышав, что сваха пришла, едва не выбежал спросить результат. Хотя он был уверен в успехе, он хотел услышать от свахи, что Лу Цзин согласился на свадьбу.

Управляющий Чжан с улыбкой поставил чашку. Уже было поздно, и он планировал завтра поговорить с Лу Цзином о сотрудничестве.

Сваха Чжао вошла в главный зал под ожидающими взглядами семьи. Она поклонилась, с трудом улыбнулась и уже хотела заговорить, как Чжан Линшу не выдержал.

«Лу Цзин согласился? Он был рад?»

Ли Ши притворилась, что ругает его: «Шуэр, будь сдержаннее. Ты уже взрослый, а ведешь себя как ребенок».

Чжан Линшу высунул язык: «Я просто волнуюсь».

Ли Ши не смогла сдержать улыбку: «Я знаю, что ты волнуешься. Ты даже не поел нормально за ужином».

Она повернулась к свахе Чжао: «Скажи ему наконец. Он согласился?» Не дожидаясь ответа, она добавила: «Когда он придет свататься?»

Сваха Чжао увидела, что семья даже не рассматривала возможность отказа Лу Цзина, и почувствовала себя обиженной и несчастной. Откуда ей было знать, что Лу Цзин не будет следовать обычной логике?

Она смотрела на радостную семью и поняла, что лучше сразу сказать правду. Она отбросила все подготовленные слова и прямо сказала: «Я не справилась. Господин Лу не согласился на свадьбу. Он сказал, что не хочет ни второй жены, ни наложницы».

Уговаривать Юнь-гэра стать наложницей было ее собственной инициативой, и теперь, когда сватовство провалилось, она не стала об этом говорить.

Как только сваха Чжао закончила говорить, в комнате воцарилась тишина. Радостные выражения лиц семьи застыли, выглядели смешно. Сваха Чжао не осмелилась говорить в такой атмосфере и затаила дыхание.

Внезапно Чжан Линшу закричал: «Не может быть! Я согласился стать «второй женой», как он мог отказать? У меня такое богатое приданое, как он мог отказать? Это та лисица заставил его отказать? Скажи мне, это он?»

Он был в ярости, его глаза покраснели. Ничего не осталось от его обычного мягкого образа. Сваха Чжао испугалась и непроизвольно сказала правду: «Господин Лу сам отказал. Его муж ничего не сказал».

Чжан Линшу выглядел безумным: «Мне все равно! Я хочу выйти за него замуж! Я пойду и спрошу его лично!»

Ли Ши, увидев, что он собирается бежать, поспешно велела слугам остановить его. Она боялась, что Чжан Линшу устроит скандал в «Юньхуачжай», и об этом узнают все соседи. В таком случае к завтрашнему дню он станет посмешищем всего города Чжэси, и кто тогда захочет на нем жениться?

Она увидела, что Чжан Линшу действительно вышел из-под контроля, и велела слугам отвести его в комнату и не выпускать.

После того, как Чжан Линшу успокоился, она повернулась к свахе Чжао. Та, не справившись с задачей, уже чувствовала себя неуверенно, а теперь еще и увидела, как Чжан Линшу сходит с ума. Увидев, что Ли Ши выглядит недовольной, она поспешно заверила: «Госпожа Ли, не волнуйтесь. Я сегодня ничего не делала и ничего не видела».

Ли Ши, увидев, что она поняла намек, велела слугам принести деньги и дала свахе Чжао один таэль в качестве платы за молчание. Она улыбнулась: «Сваха Чжао, запомните хорошо то, что вы только что сказали».

Сваха Чжао кивнула и последовала за слугой из главного зала.

Как только сваха Чжао ушла, управляющий Чжан разбил чашку: «Хорошо! Очень хорошо! Он не хочет уважать меня, да? Он хочет быть неблагодарным? Посмотрим, как долго он сможет

радоваться!»

Он даже предложил своего сына в качестве «второй жены», а Лу Цзин все равно отказался. По его мнению, Лу Цзин сделал это нарочно, чтобы бросить ему вызов. Он был так зол, что ходил по комнате кругами, разбивая все, что мог.

Ли Ши, увидев, что он достаточно выпустил пар, подошла и сказала: «Раз он неблагодарный, мы не можем позволить ему разрушить наш бизнес. Не теряйте времени, напишите письмо хозяину».

Управляющий Чжан тяжело дышал и поднял руку: «Пойдем в кабинет».

Ли Ши поддержала его, и они вместе пошли в кабинет.

Поскольку их хозяин был близок с «Юэюнь Бухао», они могли получать лучшие и самые полные товары. Поэтому обычные конкуренты не могли с ними соперничать. Но если появлялся серьезный конкурент, хозяин связывался с «Юэюнь Бухао» и просил не поставлять товары тем, кто сотрудничает с конкурентом.

В их регионе был только «Юэюнь Бухао», и все торговцы тканями брали товары у них. Таким образом, они перекрывали поставки, и конкуренты быстро закрывались.

Они привыкли к таким методам, и все управляющие хозяина знали об этом. Поэтому управляющий Чжан просто должен был сообщить хозяину о ситуации и названии конкурента, а хозяин сам разберется. Ему нужно было только ждать.

Управляющий Чжан быстро написал письмо, запечатал его и вызвал слугу: «Отнеси это письмо хозяину. Немедленно».

Слуга взял конверт и вышел.

Управляющий Чжан с холодной улыбкой подумал: «Лу Цзин, посмотрим, как долго ты сможешь прыгать».

Авору есть что сказать:

Лу Цзин: «Я ревнивый, и мой супруг тоже должен быть ревнивым».

Юнь-гэр: «...»

<http://bllate.org/book/12685/1123192>